

Политическая теология международного права: границы и границы метода*

Вячеслав Кондуров

Преподаватель-исследователь, преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский государственный университет

Адрес: Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 199034

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

В статье исследуется возможность применения к международному праву политической теологии, понимаемой как специфический методологический подход. В указанном смысле ключевые тезисы политической теологии первоначально сформулировались К. Шмиттом в контексте национального права, действующего в гомогенной среде. Сообразно этому в современной философии международного права политико-теологический дискурс преимущественно связан с универсалистскими проектами глобального права, основанными на аналогии с правом внутринациональным. Первая из таких стратегий — фаллоцентрическая — предполагает построение глобального правопорядка мировым гегемоном. Вторая же стратегия — «Не-Всё» — исходит из того, что международное право может быть выстроено лишь на основании непрекращающегося процесса обсуждения оснований глобального порядка максимально широким кругом субъектов. При всех различиях обе эти стратегии чают «вечного мира» и питаемы общим мессианским духом, а стало быть — утопичны. В противовес им международно-правовое наследие К. Шмитта предлагает нетипичный не-универсалистский и антимессианский взгляд на международное право как на гетерогенный глобальный правопорядок, обоснованный пространственными представлениями. Применение политической теологии к такого рода порядку затруднено, поскольку он не обоснован общими представлениями и не строится по аналогии с внутринациональным правом. Тем не менее применение к гетерогенным порядкам политической теологии не исключается. Плюралистическая структура гетерогенного правопорядка может быть рассмотрена в качестве катехона, сдерживающего наступление конца истории. Кроме того, политическая теология международного права может быть применена для анализа исторических трансформаций представлений о международном правопорядке.

Ключевые слова: политическая теология, международное право, Карл Шмитт, юридическая методология, легитимность, действительность права

В этой статье мы будем отталкиваться от узкого понимания политической теологии как метода, в основе которого лежит аналогия между составляющими государственно-правовую картину мира понятиями общего учения о государстве и теологическими понятиями, образующими метафизическую картину мира конкретной эпохи (Шмитт, 2016б: 34, 39–43, etc.; Schmitt, 2008: 79). С философско-

* Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований научного проекта № 18-011-01195 «Действительность и действенность права: теоретические модели и стратегии судебной аргументации».

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

правовых позиций такой метод означает установление связи системы юридических представлений с господствующим в конкретном обществе метафизическим (теологическим) мировоззрением (картиной мира) и исследование их в этой перспективе. При этом такое исследование возможно в двух аспектах: в синхронном и диахронном. В синхронном аспекте политическая теология предполагает рассмотрение аналогии между существующими одновременно метафизической и государственно-правовой картинами мира и соответствующими им понятиями. Диахронический же аспект политической теологии представляет собой исследование аналогического развития метафизической и государственно-правовой картин мира, взятых в исторической динамике (Marulewska, 2014).

Эпистемологический потенциал политической теологии неоднократно отмечался в литературе (Ball, 1983: 112; Ottmann, 1990: 170; Филиппов, 2019: 71). При этом проблемой остается вопрос о границах данного подхода. К примеру, формулировка «политическая теология международного права» может вызвать законное недоумение, поскольку К. Шмитт формулировал тезисы политической теологии применительно к государственному праву. Можно возразить, что под учением о государстве К. Шмитт понимал не просто теорию конституционного права, но теорию социального порядка, выраженную в политико-юридических представлениях (Филиппов, 2019: 71). Однако это утверждение еще не снимает сомнений в применимости политической теологии к международному праву, в том числе потому, что остается актуальным вопрос о том, в какой степени и при каких условиях последнее является подлинно упорядоченным. Данная статья представляет собой исследование границ политической теологии как метода применительно к проблемам философии международного права.

В брошюре «Политическая теология» (1922 г.) Карл Шмитт, помимо разработки принципов политической теологии, касается и проблемы правовой действительности (значимости, *Geltung*) порядков. В частности, он указывает на то, что одним из внутренних ее условий является фактическая нормальность и гомогенная среда, в которой существует норма права (Шмитт, 2016б: 15). Следовательно, исследуя политическую теологию, мы неизбежно столкнемся с тем, что она неразрывно связана с ситуацией гомогенного порядка и фактической нормальностью. При этом следует понимать, что не всякий *status quo* является нормальным и должен быть гарантирован, но лишь тот, который соответствует общему, господствующему представлению о нормальном и распознается как таковой (Schmitt, 2005a: 10; Шмитт, 2015: 281).

Предъявляемое к порядку требование гомогенности касается общности правовых представлений, впоследствии распознанных Шмиттом как основополагающий элемент мышления о праве как о конкретном порядке и форме (Шмитт, 2013б: 311, 319), а также общего способа интерпретации ключевых понятий («мир», «война», «агрессия», «военная операция» и т. д.), которые в гетерогенной среде представлений утрачивают какой-либо ясный смысл. С учетом же методологического смысла политической теологии как аналогии государственно-правовой и мета-

физической картин мира, вполне ясно, что ее применение в гетерогенной среде, исключающей единство картины мира, становится проблематичным. Соответственно, применение политической теологии к международному праву вызывает сложности в силу того, что она формулировалась в контексте проблем национального права, то есть гомогенного с точки зрения понятий и представлений порядка.

Несмотря на указанную сложность, в современной философии международного права существует автономный политико-теологический дискурс, а Карл Шмитт не ограничивал политическую теологию одним лишь национальным правом, что ясно видно, к примеру, из отдельных фрагментов «*Ex Captivitate Salus*», где немецкий юрист касается истории становления *jus publicum Europaeum* (Schmitt, 2015: 68–75). Следовательно, проблемой, требующей разрешения в первую очередь, является вопрос о том, как существует такая политическая теология международного права и чем она обосновывается. Ввиду сказанного необходимо последовательно исследовать политико-теологический в современной философии международного права, а также международно-правовые работы Карла Шмитта в связи с ранним, методологическим, пониманием политической теологии.

Современная политическая теология международного права

В современной философии международного права политико-теологический дискурс стал ответом на так называемую проблему «фрагментации» международного порядка, следствием которой стали утрата глобальным правом конкретного образа и неопределенность международно-правовых понятий. Начиная с конца 1980-х годов теоретиками международного права все чаще начали высказываться опасения, связанные с рассогласованностью системы глобального права под эгидой ООН (Koskenniemi, Leino, 2002: 557; Peters, 2017: 672–673, 679). Противостояние Востока и Запада сменилось не мировым единством, но «калейдоскопической» (Koskenniemi, Leino, 2002: 559) реальностью конкурирующих правопорядков, в том числе наднациональных, которая неизбежно породила и противоречивую практику разрешения споров и толкования норм (Нешатаева, 2015: 5; Исполинов, 2017: 65, 70; Флек, 2011: 12–13).

В философии международного права разрешение этих проблем было достигнуто благодаря отказу от питаемой идеалами Просвещения (Koskenniemi, 2004с: 61; Koskenniemi, 1990: 4–5) идеи построения космополитического универсального порядка и признанию «политичности» международного права (Peters, 2017: 702), становящегося внешним стандартом, который служит предметом постоянной демократической дискуссии (Peters, 2017: 703).

В перспективе же политической теологии проблема фрагментации, осмысленная по аналогии с метафизической «смертью Бога» (Haskell, 2018: 25–26), привела к возникновению двух стратегий построения глобального права (Haskell, 2018: 23): 1) «фаллическая», или «фаллоцентрическая», стратегия, ассоциируемая с европоцентризмом, диктатурой и колониализмом прошлого, а также с гегемонистскими

и глобализационными тенденциями настоящего (Haskell, 2018: 29–30), стремлением сделать международное право стабильным, централизованным и определенным (Haskell, 2018: 44). Дж. Хаскелл вполне прозрачно связывает данную стратегию с учением Карла Шмитта о суверене, гарантирующем порядок своим решением (Haskell, 2018: 27, 32). Тем самым, в перспективе глобального правопорядка, такая стратегия неизбежно приводит к идее мирового суверена, который заполняет пустоту в основании международного права; 2) космополитическая стратегия «Не-Всё» (*not-All*)¹, предполагающая включение неограниченного числа субъектов в делиберативные процедуры обсуждения проблемы легитимности и справедливости наличного порядка. Данная стратегия предполагает, что пустота в основании современного права может быть рассмотрена как его «открытость», которая делает возможными свободное творческое изменение порядка в пользу большей справедливости и сохранение единого международного права, которое, будучи поставлено под вопрос, избегает всякой содержательной фиксации (Orford, 2004: 41)². При этом в качестве одного из способов достижения такого рода «открытости» пустоты сторонникам данной стратегии видится изменение теологических понятий и представлений, которое должно привести к трансформации правовой картины мира (Orford, 2004: 41; Slotte, 2010: 41–43).

---

1. Выбрав такие наименования стратегий, Дж. Хаскелл отсылает к психоанализу, согласно которому, как утверждает автор, отсутствие фаллоса ассоциировано с кастрацией, неполнотой и утратой, т. е. пустым местом; сам же фаллос, напротив, ассоциируется с наличием и полнотой, т. е. со «всем» (Haskell, 2018: 28–29). Патриархальная забота суверена о порядке, а также принадлежащее ему право наказывать, в этом контексте ассоциировано с ролью отца как «символического фаллоса», а также ролью Бога Ветхого и Нового Завета как трансцендентного Отца (Haskell, 2018: 29). Название второй стратегии («Не-Всё») тем самым отсылает как раз к пустоте, неполноте, которая избегает иерархии, не заполняется «всем», т. е. «фаллосом», сувереном.

Такая интерпретация и, соответственно, словоупотребление не являются бесспорными. Однако наименование стратегии «Не-Всё» видится удачным по той причине, что подчеркивает вовлечение в пространство порядка элементов, которые были прежде из него исключены, о чем речь пойдет далее.

2. Данная статья Э. Орфорд существует в трех редакциях. Впервые она появилась в 2004 году под заглавием «Торговля, права человека и экономика жертвоприношения» (*Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice*), и именно на эту редакцию мы здесь опираемся. Впоследствии, в 2005 году, статья вышла в Лейденском журнале международного права под названием «За пределами гармонизации: торговля, права человека и экономика жертвоприношения» (*Beyond Harmonization: Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice*) (Orford, 2005). Наконец, в 2006 году она стала частью сборника под редакцией самой Э. Орфорд «Международное право и его Другие» (*International law and its Others*) под первоначальным заголовком (Orford, 2006: 156–196).

С точки зрения политической теологии во всех трех версиях статьи Э. Орфорд защищает аналогичные тезисы: она пишет об имманентизации теологии, трансформации отношения «Отец-Сын» в отношении «Мать — Сын», сосредоточении на божественном «под рукой» (*divine «near at hand»*) и т. д. (Orford, 2005: 212; Orford, 2006: 194). Вместе с тем в последующих версиях статьи был сокращен четвертый раздел «Память плоти» (*A memory of the flesh*), в связи с чем оказались исключенными рассуждения исследовательницы о мессианизме и будущем образе «остающегося открытым» международного права (Orford, 2004: 41), которые чрезвычайно ценны для настоящего изложения. Иными словами, в определенной части первая версия статьи была более подробной, чем последующие редакции. С учетом того, что Э. Орфорд в новых версиях статьи сама ссылается на первоначальную редакцию (Orford, 2005: 211; 2006: 194) и прямо не отказывается от прежде выдвинутых и интересующих нас тезисов, ссылка на самую раннюю версию статьи представляется обоснованной.

Обе названные стратегии нацелены на построение универсального глобального порядка и связаны с конкретным теологическим (и метафизическим) представлением о «смерти» трансцендентной реальности, берут ее в расчет и работают в ее условиях: либо выстраивают порядок как аналог названного метафизического представления (стратегия «Не-Всё»), либо закладывают в него возможность выполнения через грядущее спасение (фаллоцентрическая стратегия).

Вместе с тем необходимо убедиться, что представленные стратегии — это способы построения именно правового порядка. Иными словами, у предлагаемого ими образа глобального права должно присутствовать основание действительности (значимости), исток специфической юридической обязывающей силы. Применительно к международному праву наиболее часто встречаются три следующие вариации: 1) *партикулярный децизионизм* (международный порядок плюралистичен, основные субъекты — государства-нации и/или иные публичные субъекты, согласие или воля которых придают действительность (значимость) международным правовым нормам); 2) *универсалистский децизионизм* (основанием значимости (*Geltungsgrund*) международного порядка служит воля глобального гегемона); 3) *универсалистский нормативизм* (международный порядок основан на норме).

Фаллоцентрическая стратегия, обосновывая порядок волей гегемона, относится, очевидно, ко второму варианту. Что же касается стратегии «Не-Всё», то она, напротив, не является волюнтаристской: ни воля большинства, ни воля отдельного субъекта не имеют решающего значения, поскольку названная стратегия стремится избежать как любой гегемонии, так и окончательного разрешения вопроса о содержании международного права. В силу последнего не может быть основанием действительности (значимости) права и сиюминутный компромисс, поскольку в центре всегда должна оставаться пустота, позволяющая держать под вопросом ключевые правовые понятия. По этой причине принципиальным становится не результат обсуждения, но сам процесс обсуждения, т. е. процедура.

Тем самым стратегия «Не-Всё» представляет собой перенос некоторых известных принципов либерального парламентаризма внутри государства³ на международный уровень, а с точки зрения предполагаемого основания значимости правового порядка — является универсалистским нормативизмом, т. е. в ее основании лежит норма, понятная, однако, в процедурном ключе. Данная стратегия — это уже известный парламентаризм, стремящийся превратить «вечный разговор» (Шмитт, 2015: 107; Шмитт, 2016а: 129, 142) в интеграционный механизм и снять тем самым политическую вражду. К той же цели устранения войны стремится, конечно же, и другая форма универсализма — фаллоцентрическая стратегия.

Действительно, обе универсалистские стратегии объединены тем, что стремятся к окончательному умиротворению глобального пространства. Фаллоцентри-

---

3. «Все специфические парламентские установления и нормы обретают смысл лишь благодаря дискуссии и публичности» (Шмитт, 2016а: 95); «...парламент — это прежде всего место говорения <...> Парламент остается собой, пока в нем происходит открытое говорение, без которого учреждению парламентом не быть...» (Арановский, Князев, 2016: 9).

ческая стратегия — посредством гарантии мира со стороны глобального гегемона, а стратегия «Не-Всё» — через вовлечение субъектов в процесс бесконечного обсуждения легитимности международного права. Из сказанного можно сделать по крайней мере три вывода: 1) обе рассматриваемые стратегии отталкиваются от государственного, национального права, которое генетически было связано с внутренним умиротворением и исключением гражданской войны (Шмитт, 2016в: 321); 2) поскольку обе стратегии стремятся к построению идеальной справедливой системы в «отдаленном, но достижимом будущем» (Шмитт, 2013а: 55), они имеют в виду Утопию в качестве центра своих чаяний. Последняя, хотя и принадлежит «земному» пространству, избегает при этом любой связи с конкретным топосом (Шмитт, 2008а: 227), а потому в политико-теологическом осмыслении утопичность всегда предполагает отсечение трансцендентности (Шмитт, 2013а: 55), что, в частности, может проявляться в идее построения идеального мира на земле усилиями человека; 3) поскольку обе стратегии стремятся к Утопии, они являются формами мессианизма.

Напомним, что всякий мессианизм исходит из грядущего осуществления спасения, установления мира, справедливости, гармонии и т. д. В перспективе международного права он превращается в стремление к исключению самой возможности войны. Фаллоцентрическая стратегия является формой мессианизма, поскольку предполагает посюстороннее спасение (установление вечного мира), обеспечиваемое глобальным гегемоном. Стратегия «Не-Всё» также является мессианской (Orford, 2004: 41), поскольку и она видит своей целью «вечный мир» (Koskeniemi, 2004b: 504), обеспечиваемый максимальной вовлеченностью субъектов в процесс обсуждения легитимности международного права. «Мессианизм» как «оглашение чего-то, что постоянно откладывается» (Orford, 2004: 41) в такой форме лишь усиливается, поскольку превращается в апорию вечного «отложения» обещанного наступления справедливости.

Итак, обеим мессианским, универсалистским стратегиям свойственен перенос внутригосударственных представлений на международный уровень, они движутся в пространстве известной альтернативы, свойственной национальному порядку: личное решение или безличная норма. Обнаруженная ориентация двух рассмотренных стратегий на внутригосударственное право и порождает возможность их политико-теологического обоснования: образ национального порядка предполагает гомогенность и генетически связан с теологией. Тем самым рассмотрение универсалистских проектов глобального порядка не позволяет ответить на вопрос о том, как возможна политическая теология гетерогенных порядков.

Из сказанного также ясно, почему политико-теологический дискурс не заинтересован в партикулярных, «реалистических» доктринах. Такой взгляд на международное право скептически по отношению к возможности глобального порядка. Термин «право» здесь употребляется с известной долей условности (Guilhot, 2010: 225). Однако, попытки политико-теологического осмысления «реалистических» проектов осуществляются и, как правило, сводятся к утверждению «теологии ба-

ланса» (Каракулян, 2019: 22), т. е. порядка как взаимного сдерживания государств или иных, более крупных публичных субъектов. В связи с этим апеллируют к аналогии с катехоном, сдерживающим, согласно Посланию ап. Павла, наступление беззакония (2 Фес. 2:7).

Вместе с тем концепция катехона предполагает противостояние абсолютному злу, а в системе взаимного сдерживания противники не являются таковым, из-за чего рассмотрение взаимного сдерживания как варианта «катехонизма» не имеет смысла (Каракулян, 2019: 21–22). Соответственно, чистый партикуляризм, часто сводящий международное право к неупорядоченной сумме отношений, не разрешает первоначальный вопрос о применении политической теологии к гетерогенным международным порядкам, поскольку в рассматриваемом случае юридический порядок и вовсе отсутствует. Теперь, в поисках ответа, обратимся к международно-правовым работам Карла Шмитта.

Теория международного права Карла Шмитта

Ведущие теоретики международного права относят К. Шмитта к представителям «партикуляризма» (Bogdandy von, Dellavalle, 2008: 31), т. е. «партикулярного децизионизма», который предлагает плюралистический образ международного права, значимость которого обосновывается *ad hoc* волей отдельных политических субъектов. Но такой взгляд не является верным и может быть оспорен.

В работах по международному праву 1920-х годов Карл Шмитт формулирует понятие «принцип легитимности» (*Legitimitätsprinzip*), обозначающее общий интеллектуальный образ, представления об устройстве международного права (*Darstellungen des Völkerrechts*) (Schmitt, 2005g: 350), т. е. не только фундамент, но и содержание, структуру такого порядка. Принцип легитимности включает в себя требование «минимума гомогенности» представлений (Schmitt, 2005a: 23; Schmitt, 2005b: 115, 118), определяет и внутреннюю структуру международного порядка (включая гарантии, права субъектов и т. д.), и возможные способы, пределы ее изменения. Проще говоря, принцип легитимности — это целостное представление о структуре и системе международного правопорядка, об иерархии/равенстве входящих в него субъектов, их естественных правах и т. д. (Schmitt, 2005d: 392, 393, 400).

Карл Шмитт формулирует данное понятие в работах, преимущественно посвященных анализу Лиги Наций (*Völkerbund*) как союза (*Bund*) государств. В этом контексте принцип легитимности служит критерием различения международно-правового союза (*Bund*) как общности и простого альянса (*Bündnis*) (Schmitt, 2005a: 4; 2005b: 115) или межгосударственной административной общности (*Verwaltungsgemeinschaft*), как, например, Всемирный почтовый союз. Ни альянс, ни административные общности не требуют внутренней гомогенности (Schmitt, 2005a: 4, 9, 22), но представляют собой «практически-полезное, административно-техническое мероприятие (*praktisch-nützliche, administrativ-technische Veranstaltung*),

которым участники пользуются к своей выгоде, столь хорошо и долго, сколь это возможно...» (Schmitt, 2005b: 118). Такие организации имеют целью не возникновение единого, устойчивого и стабильного правового порядка, но скорее направлены на администрирование партикулярных отношений, равно как и различные дипломатические конференции, необходимость которых сводится к их пользе в обеспечении более удобной коммуникации представителей государств.

С гомогенностью тесно связано понятие вмешательства. Если необходимо внутреннее единство международной общности по ключевым представлениям о нормальном устройстве союза, его структуре, правах членов и т. д., то само существование союза во многом зависит от нормального состояния внутри государств — членов союза: «Всякий международно-правовой принцип приводит к вмешательству, и всякий союз должен обладать известными принципами, способными определить, что для него легитимно. Из необходимости поддержания гомогенности союза, само собой, неизбежно проистекает вмешательство» (Schmitt, 2005b: 119; Schmitt, 2005a: 20). Столь тесная связь между гарантируемой союзом нормальной ситуацией и нормальной ситуацией внутри каждого члена союза приводит к возможности вмешательства со стороны союза во внутренние дела конкретного государства для обеспечения нормальности *status quo*.

Требование гомогенности справедливо и для случаев международной общности гегемонистского, а не союзного толка, где нормальность ситуации в государствах ареала «великой державы» гарантирует сама «великая держава». Эта ситуация актуализируется в работах К. Шмитта в связи с констатацией им изменения форм империализма в конце XIX — начале XX века (Schmitt, 2005c: 28–30). «Великая держава» здесь осуществляет гегемонию с помощью договоров о вмешательстве в ряд ключевых сфер ведомых государств, а ее власть основывается на авторитете в вопросе интерпретации неопределенных понятий (Ibid.: 30–31). Самостоятельное же определение смысла понятий, в соответствии с собственными представлениями о нормальном, является, следовательно, подлинным основанием суверенного существования (Schmitt, 2005g: 365–366).

Как в случае с общностью союзного типа, так и в применительно к общности гегемонистского типа мы вновь сталкиваемся с уже известным требованием гомогенности представлений и способов интерпретации ключевых понятий, предъявляемым к юридическому порядку и делающим возможным применение политической теологии. Это означает также и то, что первоначально принцип легитимности формулировался именно для ситуации международно-правовой общности достаточно высокой степени интеграции, близкой к национально-государственной. В связи с этим данное понятие применимо и к универсалистским проектам глобального порядка, рассмотренным нами ранее, поскольку ими предполагается именно высокая степень интеграции⁴.

4. Как замечает Карл Шмитт, даже такие «универсалистские» по своему существу модели глобального порядка, как, к примеру, кантианский «вечный мир», предполагают внутреннюю гомогенность в форме республиканского строя (Schmitt, 2005a: 20). Или, иначе говоря, «межгосударственная демократия требует внутригосударственной демократии» (Ibid.).

Однако применительно к шмиттовскому видению международного права данного принципа недостаточно, поскольку немецкий юрист фактически формирует два пласта международного права: 1) гомогенное международное право внутри союзов и иных международных общностей; 2) гетерогенное международное право, опосредующее отношения таких союзов друг с другом. Наличие последнего Карл Шмитт прямо утверждает, отмечая, что в его пределах политические общности существуют в «высокополитическом», естественном состоянии (Schmitt, 2005h: 265). При этом использование формулы «естественное состояние» интерпретируется немецким юристом как особенность, юридическая специфика такого «гетерогенного» международного права, обладающего плюралистической природой (Ibid.).

Соответственно, мы имеем дело с двумя видами международного права: опосредующим отношения между 1) публичными субъектами, входящими в общность, обладающую принципом легитимности, и 2) между публичными субъектами, которые в такую общность не входят. И если в первом случае общий международный порядок обладает ясным основанием значимости (поскольку у него есть конкретный принцип легитимности), то во втором нахождение такового вызывает проблемы.

Если отношения между гомогенными порядками все-таки опосредуются правом, то, исходя из общих посылок юридического мышления К. Шмитта, такие отношения сами должны быть элементом некоего юридически значимого конкретного порядка. Последний же должен обладать принципом легитимности и основанием действительности (значимости), иначе такой порядок не был бы юридическим порядком. Значимость международного правопорядка, регулирующего отношения между гомогенными порядками (т. е. гетерогенного международного порядка), чрезвычайно важна для понимания международно-правового наследия К. Шмитта, поскольку фактически речь идет об утверждении глобального правового принципа, т. е. того, что прямо противоречит любой «партикулярной» парадигме. Мы попытаемся продемонстрировать особенности этого принципа, рассматривая «Порядок больших пространств», разработанный Карлом Шмиттом в качестве возможного образа грядущего глобального правопорядка.

Мы избираем порядок больших пространств в качестве предмета анализа не потому, что Карл Шмитт был неизменно верен этому «идеалу» от начала и до конца. Порядок больших пространств вообще никогда не был идеалом, но скорее обусловленным историей возможным прогнозом на будущее. Даже если отказ от образа глобального порядка именно в таком виде имел место⁵, Карл Шмитт неизменно защищал идею плюрализма в международном праве, которая предполагала включение упорядоченной войны (и самой возможности войны) в представление о нормальном состоянии (Шмитт, 2016в: 308) и существование гомогенных по-

---

5. В литературе такого рода идею можно встретить достаточно часто (Меринг, 2018: 35; Koskenniemi, 2017: 601). Одновременно нельзя не задаться вопросом, насколько такой отказ действительно имел место, с учетом того, что о больших пространствах Карл Шмитт пишет и позже, например, в 1960-е годы (Schmitt, 1995a: 598–607).

рядков в рамках гетерогенного правового пространства. Более того, идея плюрализма защищалась Карлом Шмиттом как до возникновения идеи Порядка больших пространств (Schmitt, 2005e: 425), так и после (Шмитт, 2004: 88; Schmitt, 1995a: 603–605, 607). Но в то же время на более ранних этапах в построениях Шмитта мы не находим пространственного аспекта, столь важного для его поздних работ по международному праву. В этом отношении теория порядка больших пространств удачно расположена на пересечении интеллектуальных линий наследия Шмитта. Порядок больших пространств релевантен для нашего анализа еще и тем, что в данной теории оказались связаны две важные проблемы: внутренний принцип легитимности гомогенных международных общностей (принцип легитимности большого пространства) и принцип легитимности глобального международного права, предполагающего сосуществование различных гомогенных порядков (больших пространств).

Напомним, что порядок больших пространств структурно представлял собой сосуществование в рамках глобальной картины мира нескольких крупных и замкнутых политических единств — гомогенных порядков с так называемыми рейхами в качестве определяющего начала и гаранта нормальной ситуации внутри больших пространств. Большое пространство здесь выступает ареалом распространения политической идеи рейха⁶, пространством, в которое она «излучается» (Шмитт, 2008a: 527). Каждое из этих больших пространств замкнуто, поскольку не допускает интервенции чуждых сил (гарантом здесь опять же выступает рейх) (Там же). Тем самым Порядок больших пространств — это попытка сконструировать плюралистический глобальный порядок, аналогичный (поскольку допускает войну и плюрализм) классическому европейскому международному праву⁷, но в условиях новых представлений (Там же: 544), предполагающих неустранимость иерархии субъектов международного права и утрату государством ключевой роли в международном праве (Там же: 534–535, 540).

Шмитт выделяет четыре варианта международных отношений (или четыре смысла данного термина) в условиях Порядка больших пространств: 1) отношения между большими пространствами; 2) отношения между рейхами больших пространств; 3) отношения между народами внутри большого пространства; 4) отношения между народами различных больших пространств (Там же: 545).

Отношения (1), (2) и (4) разворачиваются в пространстве между гомогенными порядками, являются по необходимости гетерогенными. Лишь отношения (3) существуют в гомогенной среде, а потому их юридическая значимость и правовой характер не ставятся нами под сомнение. Отношения же (1), (2) и (4) прямо называются Шмиттом международно-правовыми отношениями (Там же: 545). Более

---

6. Речь, разумеется, идет не о конкретном Третьем рейхе, а о рейхе как политической форме, которая придет (пришла) на смену государствам Нового времени.

7. Так, О. Симонс указывал, что классическое *jus publicum europaeum*, с его упорядоченной войной, служило для К. Шмитта «критерием мирового порядка» (Simons, 2017: 791). На аналогию между порядком больших пространств и *jus publicum europaeum* указывает и сам К. Шмитт (Шмитт, 2004: 83).

того, немецкий юрист утверждал, что отношения между большими пространствами разворачиваются внутри конкретного порядка, а сам этот конкретный порядок является иным видом правового порядка по отношению к тому, который опосредует отношения между народами внутри большого пространства (Schmitt, 1995b: 234–235). Из этого можно вывести два следствия: во-первых, им допускалось существование конкретного юридически значимого порядка, опосредующего гетерогенные отношения между гомогенными порядками — большими пространствами, и, во-вторых, этот конкретный порядок отличен и несводим в своей значимости к порядку внутри больших пространств. Иными словами, в условиях поствоенного краха глобального порядка международного права, основанного на принципах Вестфальской системы, Карл Шмитт предлагает модель глобального правового порядка, обладающего автономным основанием действительности (значимости) и собственным образом, который существенно отличается от образа больших пространств как международных общностей. В условиях трагедии отсутствия планетарного правопорядка К. Шмитт создает возможную модель такого порядка, которая пытается вобрать в себя положительные, с точки зрения немецкого юриста, черты Вестфальского устройства (структурный плюрализм, правовая регламентация войны и т. д.), но учитывает при этом утрату государством Нового времени той ключевой роли, которую оно играло прежде.

Поскольку это так, возникает вопрос о возможности политической теологии такого гетерогенного глобального порядка, ведь применение политической теологии к анализу гомогенных порядков (больших пространств, союзов и т. д.) не составляет методологической проблемы. Так как политическая теология предполагает аналогию между понятиями, составляющими структуру юридико-политической и метафизической (теологической) картины мира, для ее применения необходимо, чтобы таковые имели место в ситуации гетерогенного международного права. Поскольку последнее, как мы показали ранее, является правовым порядком, то у него наличествует образ и основание действительности (значимости).

В связи со сказанным мы выдвигаем два тезиса. 1) Принцип легитимности международного права, опосредующего отношения между гомогенными порядками, является пространственным. 2) Если принцип легитимности глобального правопорядка является пространственным, то входящие в него представления и понятия также должны быть пространственными. Первичным подтверждением такой интерпретации служит утверждение Карла Шмитта о том, что структура международного права основана на пространственных понятиях (Schmitt, 2005f: 652).

Вместе с тем такого первичного подтверждения недостаточно для доказательства наших суждений. Для того чтобы убедиться в их справедливости, необходимо, пусть и кратко, проследить ход мыслей немецкого юриста об исторической трансформации соответствующих планетарных порядков⁸. Это обоснованно хотя бы потому, что в работе «Земля и Море» Карл Шмитт прямо проводит взаимос-

8. Зависимость каждой «всемирно-исторической» эпохи от способа восприятия мира прежде отмечалась в соответствующей литературе (Simons, 2017: 781).

вязь между изменением структуры представлений о пространстве и сменой исторических эпох (Шмитт, 2008б: 605).

Так, предельно европоцентричный порядок Средних веков, хотя и не был глобальным в современном понимании, предполагал деление известного пространства по остаточному признаку, на земли христианских и не-христианских народов (Шмитт, 2008в: 32). Такой принцип разделения пространств не столько лишал нехристианские земли какого-либо статуса, но скорее предполагал последние открытыми для миссионерской деятельности (Там же: 105) и захвата, а также предопределял иную регламентацию войны, что вполне вписывалось в общую парадигму империи как пространства порядка, противостоящего окружающему хаосу и стремящегося упорядочить последний.

В глобальную эпоху Нового времени (XVI–XIX) складывается классическое международное право, *jus publicum europaeum*, ключевыми пространственными представлениями которого становятся (1) разделение на Старый и Новый свет (линия дружбы), колонии и метрополию (Там же: 86, 93, 296); (2) представление о государственной территории как замкнутой для иностранного влияния (Schmitt, 1995b: 240; Шмитт, 2008в: 147). Это изменение представлений исключает свойственную Средним векам концепцию войны, понятие Священной империи (Шмитт, 2008в: 143) и папский мандат в качестве правового основания для захвата земли (Там же: 145) — таковым становится «открытие» (Там же: 149–151). Одновременно утрачивает значение теологическая аргументация (Там же: 151). Война становится упорядоченной (Schmitt, 1995a: 598; Шмитт, 2008в: 165, 241), «кабинетной войной» между равными суверенами (Шмитт, 2008в: 167, 169, 185 и др.), представление о справедливой войне связывается с понятием *justus hostis*, а не *justa causa* (Там же: 170–171, 187–188 и др.), а также происходит разделение правовых режимов земли (государственная территория, колонии, протектораты, экзотические страны; земли, свободные для оккупации) (Там же: 237) — с одной стороны, и режимов земли и моря — с другой стороны (Шмитт, 2008б: 579). В этом порядке, как замечает Шмитт, «можно увидеть анархию, но никак не отсутствие права» (Шмитт, 2008в: 177).

Глобальный пространственный порядок Нового времени представлял собой равновесие сил (Там же: 245), ставшее возможным благодаря открытию Нового света и неограниченной экспансии, захвату этого пространства «великими державами» (Там же: 250). Данное утверждение не означает, что основанием действительности (значимости) самого порядка служила власть этих «великих держав», которые сами получали юридический смысл и значение лишь из принадлежности к пространственному порядку (Там же), из общего ощущения пространственной системы равновесия (Там же: 207). Акт признания в качестве «великой державы» служил основанием включения в пространственный порядок (Там же: 248), но не придавал ему значимость.

В конце XIX — начале XX века происходит распад классического международного права. Отныне колонии были уравнены с государственной территорией (Там

же: 319); произошла фрагментация глобального порядка (Там же: 316–318), изоляция на основании Доктрины Монро и рост могущества США (Там же: 308); включение в правопорядок на равных основаниях не-европейских держав (Там же: 325) и т. д. Процесс этот завершился полным крахом старого порядка — Первой мировой войной и попыткой выстроить универсальное право человечества в рамках Женевской Лиги Наций (Там же: 308, 334, 335). Применительно к данному этапу невозможно говорить о конкретном правовом порядке, в том числе и в пространственном смысле (Там же: 334), а потому не имеет смысла и постановка вопроса ни о его принципе легитимности, ни об основании его действительности (значимости). Поскольку же здесь отсутствовал ясный правовой порядок, было невозможно правовое ограничение войны, ставшей в результате войны на уничтожение — тотальной, дискриминационной войной (Там же: 339, 556). Кроме того, поскольку Лига Наций не смогла предложить никакого пространственного *status quo* (Там же: 336–337, 339–340), нормального состояния, единого принципа распределения пространства, границы между войной и миром вовсе оказались стерты.

Порядок больших пространств, напротив, был задуман как форма построения глобального пространственного порядка с четким разделением режимов войны и мира, т. е. с ясной регламентацией войны и подчинением ее праву. Такой плюралистический глобальный порядок, предполагающий возможность войны как части нормального состояния, может быть назван «агональным» (от греч. ἀγων) (Шмитт, 2011: 111–112). Только включение войны в представления о нормальном состоянии позволяет подчинить ее общим правилам в регулятивном смысле, поскольку невозможно создать правила для противоправного поведения, можно лишь создать нормы, которые позволят карать за него. Пространственный характер принципа легитимности и составляющих его представлений имеет ключевое значение для допущения войны: упорядоченная война предполагает единство пространства борьбы сторон — замкнутый круг, цепь воинов, опоясывающая сражающихся.

Именно представления о распределении пространства являются собой подлинное основание глобального правопорядка, а не взаимное сдерживание в равновесии сил, как порой утверждается (Ulmer, 1993: 49). Само по себе пространственное равновесие возможно только в том случае, если оно воспринимается как нормальное состояние. Такое восприятие, в свою очередь, возможно лишь с учетом представлений о нормальном распределении пространства. Таким образом, даже утверждая важную роль факта равновесия, мы не можем определить некое состояние в качестве равновесного без соответствующих представлений. Без четкого представления о пространственном номосе невозможно существование глобального порядка (Шмитт, 2008в: 334). Следовательно, невозможно ни взаимное признание (которое имеет смысл лишь в рамках единого порядка), ни ограничение войны, ни равновесие.

Политическая теология гетерогенного глобального порядка

Обладая собственным принципом легитимности (образом), будучи обоснованным общими пространственными понятиями и представлениями, глобальный правопорядок как будто не исключает применение к нему политической теологии. Более того, в «*Ex Captivitate Salus*» Карл Шмитт достаточно подробно и ярко описывает процесс секуляризации, приведший юристов-международников на место, прежде принадлежащее теологам (Schmitt, 2015: 70–71)⁹. Эта «тайна происхождения» европейского международного права, его роль и локус, несомненно, создают почву для применения политической теологии в ее диахронном аспекте с учетом того, что речь идет о последовательной динамической смене образов международного права: от опосредованного теологией к классическому европоцентричному международному праву, а от него — к нейтрализованному механистическому позитивизму, опосредованному «технически-индустриальным мировоззрением», т. е., в терминах политической теологии немецкого юриста, «антирелигией техницизма» (Шмитт, 2016г: 358).

В синхронном же аспекте политической теологии доступна, к примеру, завершающая, техническая стадия развития указанного движения, предполагающая становление проектов построения единого универсального глобального правопорядка. Пример тому — две универсалистские стратегии, рассмотренные нами ранее. Однако как синхронно осмыслить с точки зрения политической теологии плюралистичное правовое пространство с неизбежной борьбой порядков? С какой системой теологических/метафизических представлений можно здесь провести аналогию в рамках разработанной Шмиттом теории международного права?

В литературе встречаются утверждения, что взаимное сдерживание больших пространств соответствует идее катехона (Каракулян, 2019: 21–22). Указывалось также (Grossheutschi, 1996: 68), что дуализм «земля-море» соответствует диаде «католицизм-кальвинизм» (Шмитт, 2008б: 624). Мы не можем с этим полностью согласиться.

Что касается взаимного сдерживания, то оно действительно могло бы рассматриваться как «теология баланса» и идея в целом «катехоническая». Однако здесь нужна некоторая поправка. В качестве катехона выступает не каждый однородный порядок в отношении другого, но скорее сама плюралистическая структура международного порядка, сам баланс, который продлевает ход истории и не дает наступить постисторической и постполитической реальности. В статье «Единство Мира» (*Die Einheit der Welt*, 1951) Карл Шмитт указывает на амбивалентность единства: единый мир, лишенный плюралистической борьбы, в равной мере может быть и наступлением Царствия Божия, и царства сатаны (Шмитт, 2004: 80). Напомним, что катехон, сдерживая «тайну беззакония», одновременно сдержи-

---

9. Следует также вспомнить и еще одно указание на генетическую связь между теологией и правом, а именно утверждение К. Шмитта о том, что отцом правоведения является возрожденное римское право, а матерью — римская церковь (Schmitt, 2015: 69).

вает и наступление Царствия Божия, которое неизбежно должно сменить царствование Антихриста. В этом смысле аналогия катехона более удачно применима к тому, что сдерживает наступление универсального, монистического, тотального единства и продлевает ход истории, т. е. *к самой плюралистической структуре, к самому образу, принципу легитимности гетерогенного глобального правопорядка.*

Политическая теология Карла Шмитта рождена историей, пусть и понятой в теологическом ключе¹⁰, как историей сдерживания окончательного торжества «тайны беззакония», т. е. она возможна лишь в пространстве катехонического времени, она рождена историей скрытого участия Бога в земных делах. В этом аспекте Карл Шмитт противостоит утопизму любой из универсалистских стратегий. Юрико-теологическое измерение мышления К. Шмитта заключается как раз в разорванности земного порядка и Царствия Небесного, в невозможности отождествления, низведения небесного к земному. В отличие от универсалистских стратегий, мышление Карла Шмитта принципиально отвергает любой мессианизм и, соответственно, является антиутопическим.

Как мы отмечали ранее, Утопия предполагает возможность построения в земной юдоли идеальной общности, Царствия Небесного без участия Бога. В этом смысле она являет собой возможность «выпрыгнуть из истории» (Smeltzer, 2020: 115). Утопия — это статика, конец всякой истории как смены мировоззренческих парадигм, распределения пространства и борьбы. Плюрализм структуры глобального права, напротив, наряду с прочим означает неустранимость борьбы и, следовательно, предполагает «сдерживание» конца истории. Что же касается дуализма «земли и моря» как аналогии диады «католицизм-кальвинизм», отметим, что этот тезис отвечает лишь на вопрос о понятийной структуре гомогенных порядков, но ничего не говорит о системе представлений гетерогенного международного права. «Пространственный» характер фундирующих международный порядок представлений и его плюралистичность создают трудности в буквальном применении политико-теологической аналогии в синхронном аспекте. Здесь политическая теология теснится чем-то куда более фундаментальным и могущественным: силой мифа и образа, рождаемых чистыми стихийными силами.

В ходе развития идей Шмитта представление о пространстве как будто становится центральным, основополагающим началом для всей системы представлений. Так, овладев морем, англичане «были больше не в состоянии представить себе какую-то иную экономическую науку и иное международное право. Здесь ты имеешь возможность убедиться в том, что огромный Левиафан обладает властью также над умами и душами людей» (Шмитт, 2008б: 627). То же самое можно сказать и о теологических/метафизических представлениях, которые стали лишь элементами стихийных сил, перераспределяющих пространства¹¹.

10. В этом смысле можно согласиться с М. Коскенниemi, утверждающим, что К. Шмитт стремится «интерпретировать настоящее в свете христианской концепции истории» (Koskenniemi, 2004a: 501).

11. «Религиозные войны и теологические лозунги этой эпохи также содержат в своем существовании столкновение стихийных сил, повлиявших на перенос всемирно-исторической экзистенции с земли на море» (Шмитт, 2008б: 624).

Если это так, то тогда возможно, что в основании принципа пространства и, следовательно, в метафизическом основании политической теологии международного права лежит нечто более архаичное, чем теологические представления. То, что интерпретируется стратегией «Не-Всё» как «пустота» в центре международного права, может совсем не являться таковой. С точки зрения политической теологии даже «пустота», «смерть Бога» обладают собственной метафизикой и теологией (в этом смысле названная стратегия упускает ключевой тезис дискурса, в котором разворачивается).

Заключение

Отталкиваясь от методологического понимания политической теологии, мы попытались понять, как возможна политическая теология международного права. Во-первых, мы исследовали политико-теологический дискурс внутри современной философии международного права и установили, что он возник в качестве ответа на проблему утраты глобальным правом легитимного основания и образа.

Существующие в рамках политико-теологического дискурса универалистские стратегии преодоления этой проблемы (фаллоцентрическая стратегия и стратегия «Не-Всё»), пусть и разными путями, но предполагают построение международного права на манер гомогенного внутринационального порядка, а также питаемы мессианским духом, поскольку стремятся к устранению всякой возможности войны и установлению вечного мира. С юридической точки зрения они также не выходят за пределы давно известной альтернативы между решением (фаллоцентрическая стратегия) и нормой (стратегия «Не-Всё») как основания действительности (значимости) порядка. В связи с этим применение политической теологии в их случае не вызывает трудностей.

Во-вторых, мы проанализировали в перспективе политической теологии международно-правовые работы Карла Шмитта. В отличие от универалистских стратегий, немецкий юрист предлагает плюралистический проект глобального международного права как гетерогенного порядка, обоснованного общими представлениями о пространственном распределении и не исключающего возможность войны.

Хотя применение политической теологии к гетерогенным порядкам вызывает известные трудности, оно не может быть отвергнуто полностью. Так, уже сама плюралистическая, гетерогенная структура выстраиваемого К. Шмиттом проекта международного права может быть рассмотрена в политико-теологическом ключе как катехон, сдерживающий конец истории. Кроме того, нельзя исключать и применения политической теологии для анализа изменения представлений о международном порядке в историческом ключе. Что же касается пространственного аспекта мышления К. Шмитта, то он, вероятно, отсылает нас за пределы христианской теологии, к куда более архаичным образам и представлениям.

Литература

- Арановский К. В., Князев С. Д.* (2016). Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект.
- Исполинов А. С.* (2017). Эволюция и пути развития современного международного правосудия // *Lex Russica*. № 10. С. 58–87.
- Каракулян Э. А.* (2019). Метафизика международного права (от обзора к альтернативе) // *Российский журнал правовых исследований*. № 4. С. 16–26.
- Меринг Р.* (2018). Работа Карла Шмитта «Состояние европейской юриспруденции» / Пер. с нем. О. Кильдюшова // *Социологическое обозрение*. Т. 17. № 1. С. 30–58.
- Нешатаева Т.* (2015). Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // *Международное правосудие*. № 4. С. 3–10.
- Филиппов А. Ф.* (2019). В ожидании чуда: социология репликантов как политическая теология («Бегущий по лезвию 2049») // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 3. С. 69–101.
- Флек Д.* (2011). Международное право между фрагментацией и интеграцией: вызовы теории и практики / Пер. с англ. И. С. Бедрина, Е. С. Швалева // *Российский юридический журнал*. № 6. С. 7–22.
- Шмитт К.* (2004). Единство мира // *Космополис*. № 3. С. 80–88.
- Шмитт К.* (2008а). Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // *Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль. С. 479–572.
- Шмитт К.* (2008б). Земля и Море // *Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль. С. 573–639.
- Шмитт К.* (2008в). Номос земли в праве народов jus publicum europaeum // *Шмитт К. Номос земли в праве народов jus publicum europaeum* / Пер. с нем. К. Лощевского и Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль. С. 5–478.
- Шмитт К.* (2013а). Глоссарий / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца под ред. А. Ф. Филиппова // *Социологическое обозрение*. Т. 12. № 2. С. 55–65.
- Шмитт К.* (2013б). О трех видах юридического мышления // *Шмитт К. Государство: право и политика* / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. М.: Территория будущего. С. 307–355.
- Шмитт К.* (2015). Политический романтизм / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. М.: Праксис.
- Шмитт К.* (2016а). Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // *Шмитт К. Понятие политического*. СПб.: Наука. С. 93–170.

- Шмитт К.* (2016б). Политическая теология / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука. С. 5–59.
- Шмитт К.* (2016в). Понятие политического / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука. С. 281–356.
- Шмитт К.* (2016г). Эпоха нейтрализаций и деполитизаций / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука. С. 357–372.
- Ball H.* (1983). Carl Schmitts politische Theologie // *Taubes J.* (Hg.). Religionstheorie und Politische Theologie: Der Fürst dieser Welt. Carl Schmitt und die Folgen Bd. 1. München: Wilhelm Fink. S. 100–116.
- Grossheutschi F.* (1996). Carl Schmitt und die Lehre vom Katechon. Berlin: Duncker & Humblot.
- Haskell J. D.* (2018). Political Theology and International Law // Brill Research Perspectives in International Legal Theory and Practice. Vol. 1. № 2. P. 1–89.
- Koskenniemi M.* (1990). The Politics of International Law // European Journal of International Law. № 4. P. 4–32.
- Koskenniemi M.* (2004a). International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde? // Constellations. Vol. 11. № 4. P. 492–511.
- Koskenniemi M.* (2004b). The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960. Cambridge: Cambridge University Press.
- Koskenniemi M.* (2004c). Why History of International Law Today? // Rechtsgeschichte. № 4. P. 61–66.
- Koskenniemi M.* (2017). Carl Schmitt and International Law // *Meierhenrich J., Simons O.* (eds.). The Oxford Handbook of Carl Schmitt. Oxford: Oxford University Press. P. 592–611.
- Simons O.* (2017). Carl Schmitt's Spatial Rhetoric // *Meierhenrich J., Simons O.* (eds.). The Oxford Handbook of Carl Schmitt. Oxford: Oxford University Press. P. 776–802.
- Koskenniemi M., Leino P.* (2002). Fragmentation of International Law? Postmodern Anxieties // Leiden Journal of International Law. Vol. 15. № 3. P. 553–579.
- Orford A.* (2004). Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice // Jean Monnet Working Paper June 2004. New York: NYU School of Law. URL: <https://jeanmonnet-program.org/archive/papers/04/040301.pdf> (дата доступа: 05.07.2020).
- Orford A.* (2005). Beyond Harmonization: Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice // Leiden Journal of International Law. Vol. 18. № 3. P. 179–213.
- Orford A.* (2006). Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice // *Orford A.* (ed.). International Law and its Others. Cambridge: Cambridge University Press. P. 156–196.
- Ottmann H.* (1990). Politische Theologie als Begriffsgeschichte. Oder: Wie man politische Begriffe der Neuzeit politisch-theologisch erklären kann // *Gerhardt V.* (Hg.). Der Begriff der Politik: Bedingungen und Gründe politischen Handelns. Stuttgart: J. B. Metzlersche. S. 169–188.
- Marulewska K.* (2014). Schmitt's Political Theology as a Methodological Approach. URL: <http://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxxiii/schmitts-political-theology/> (дата доступа: 05.07.2020).

- Peters A.* (2017). The Refinement of International Law: From Fragmentation to Regime Interaction and Politicization // *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 15. № 3. P. 671–704.
- Schmitt C.* (1995a). Die Ordnung der Welt nach dem Zweiten Weltkrieg // *Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 592–618.
- Schmitt C.* (1995b). Raum und Großraum im Völkerrecht // *Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 234–268.
- Schmitt C.* (2005a). Die Kernfrage des Völkerbundes [1924] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 1–25.
- Schmitt C.* (2005b). Die Kernfrage des Völkerbundes [1926] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 73–193.
- Schmitt C.* (2005c). Die Rheinlande als Objekt internationaler Politik [1925] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 26–50.
- Schmitt C.* (2005d). Nationalsozialismus und Völkerrecht [1934] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 391–423.
- Schmitt C.* (2005e). Sowjet-Union und Genfer Völkerbund [1934] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 424–435.
- Schmitt C.* (2005f). Strukturwandel des Internationalen Rechts [1943] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 652–700.
- Schmitt C.* (2005g). USA und die völkerrechtlichen Formen des modernen Imperialismus [1932/33] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 349–377.
- Schmitt C.* (2005h). Völkerrechtliche Probleme im Rheingebiet [1928] // *Schmitt C. Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978*. Berlin: Duncker & Humblot. S. 255–273.
- Schmitt C.* (2008). Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie. Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C.* (2015). *Ex Captivitate Salus: Erfahrungen der Zeit 1945/47*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Slotte P.* (2010). Political Theology within International Law and Protestant Theology // *Studia Theologica: Nordic Journal of Theology*. Vol. 64. № 1. P. 22–58.
- Smeltzer J.* (2020). Technology, Law, and Annihilation: Carl Schmitt's Critique of Utopianism // *Journal of the History of Ideas*. Vol. 81. № 1. P. 107–129.
- Ulmen G.* (1993). The Concept of Nomos: Introduction to Schmitt's 'Appropriation/Distribution/Production' // *Telos*. № 95. P. 39–51.

Political Theology of International Law: Methodological Facets and Borders

Viacheslav E. Kondurov

Teacher-Researcher, Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg State University

Address: Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg, Russian Federation 199034

E-mail: viacheslav.kondurov@gmail.com

The article investigates the possibility of applying political theology as a specific methodological approach to international law. As the key theses of political theology were originally formulated by C. Schmitt in the context of national law acting in a homogeneous environment, political theology discourse in the modern philosophy of international law is mainly related to the universalist projects of global law based on an analogy with national law. The first of such strategies, the expansionist strategy, presupposes the construction of global order by the world hegemon. The second, the cosmopolitan strategy, assumes that international law can be built on the basis of an ongoing process of discussion of the global order foundations by the widest possible range of actors. Both of these strategies charm "eternal peace" and are nourished by a common messianic spirit and, therefore, are utopian. However, Schmitt's international law legacy offers an atypical non-universalist and anti-messianic view on international law as a heterogeneous global legal order based on spatial concepts. Despite the fact that the application of political theology to this kind of order is difficult, it shall not be excluded for several reasons. The pluralistic structure of the heterogeneous order can be seen as a *katechon* that holds back the end of history. Finally, the political theology of international law can be applied to analyze the historical transformations of the international legal order.

Keywords: political theology, international law, Carl Schmitt, legal methodology, legitimacy, the validity of law

References

- Aranovsky K., Kniazev S. (2016) *Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenij* [Rule of Law and Legal State in the Ratio of Signs and Meanings], Moscow: Prospekt.
- Ball H. (1983) Carl Schmitts politische Theologie. *Religionstheorie und Politische Theologie: Der Fürst dieser Welt. Carl Schmitt und die Folgen Bd. 1* (ed. J. Taubes), München: Wilhelm Fink, pp. 100–116.
- Filippov A. (2019) V ozhidanii chuda: sociologija replikantov kak politicheskaja teologija ("Begushhij po lezviju 2049") [Waiting for a Miracle: The Sociology of Replicants as Political Theology (Blade Runner 2049)]. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no 3, pp. 69–101.
- Fleck D. (2011) Mezhdunarodnoe pravo mezhdru fragmentaciej i integraciej: vyzovy teorii i praktiki [International Law Between Fragmentation and Integration: Challenges for Legal Theory And Practice]. *Russian Juridical Journal*, no 6, pp. 7–22.
- Grossheutschi F. (1996) *Carl Schmitt und die Lehre vom Katechon*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Haskell J. (2018) Political Theology and International Law. *Brill Research Perspectives in International Legal Theory and Practice*, vol. 1, no 2, pp. 1–89.
- Ispolinov A. (2017) Jevoljucija i puti razvitija sovremennogo mezhdunarodnogo pravosudija [Evolution and Ways of Development of Contemporary International Justice]. *Lex Russica*, no 10, pp. 58–87.
- Karakulian E. (2019) Metafizika mezhdunarodnogo prava (ot obzora k al'ternative) [Metaphysics of International Law (From a Review to an Alternative)]. *Russian Journal of Legal Studies*, no 4, pp. 16–26.
- Koskeniemi M. (1990) The Politics of International Law. *European Journal of International Law*, no 4, pp. 4–32.

- Koskenniemi M. (2004) International Law as Political Theology: How to Read Nomos der Erde? *Constellations*, vol. 11, no 4, pp. 492–511.
- Koskenniemi M. (2004) *The Gentle Civilizer of Nations: The Rise and Fall of International Law 1870–1960*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Koskenniemi M. (2004) Why History of International Law Today? *Rechtsgeschichte*, no 4, pp. 61–66.
- Koskenniemi M. (2017) Carl Schmitt and International Law. *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* (eds. J. Meierhenrich, O. Simons), Oxford: Oxford University Press, pp. 592–611.
- Koskenniemi M., Leino P. (2002) Fragmentation of International Law? Postmodern Anxieties. *Leiden Journal of International Law*, vol. 15, no 3, pp. 553–579.
- Marulewska K. (2014) Schmitt's Political Theology as a Methodological Approach. Available at: <http://www.iwm.at/publications/5-junior-visiting-fellows-conferences/vol-xxxiii/schmitts-political-theology/> (accessed 5 July 2020).
- Mehring R. (2018) Rabota Karla Shmitta «Sostojanie evropejskoj jurisprudencii» [“The State of European Jurisprudence” by Carl Schmitt]. *Russian Sociological Review*, vol. 17, no 1, pp. 30–58.
- Neshataeva T. (2015) Evropejskaja konvencija po pravam cheloveka i integracija integracij: puti preodolenija fragmentacii mezhdunarodnogo prava [The European Convention on Human Rights and Integration of Integrations: Overcoming the Fragmentation of International Law]. *International Justice*, no 4, pp. 3–10.
- Orford A. (2004) Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice. Jean Monnet Working Paper June 2004, New York: NYU School of Law. Available at: <https://jeanmonnetprogram.org/archive/papers/04/040301.pdf> (accessed 5 July 2020).
- Orford A. (2005) Beyond Harmonization: Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice. *Leiden Journal of International Law*, vol. 18, no 3, pp. 179–213.
- Orford A. (2006) Trade, Human Rights and the Economy of Sacrifice. *International Law and its Others* (ed. A. Orford), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 156–196.
- Ottmann H. (1990) Politische Theologie als Begriffsgeschichte Oder: Wie man politische Begriffe der Neuzeit politisch-theologisch erklären kann. *Der Begriff der Politik: Bedingungen und Gründe politischen Handelns* (ed. V. Gerhardt), Stuttgart: J. B. Metzlersche, pp. 169–188.
- Peters A. (2017) The Refinement of International law: From Fragmentation to Regime Interaction and Politicization. *International Journal of Constitutional Law*, vol. 15, no 3, pp. 671–704.
- Schmitt C. (1995) Die Ordnung der Welt nach dem Zweiten Weltkrieg. *Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969* (ed. G. Maschke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 592–618.
- Schmitt C. (1995) Raum und Großraum im Völkerrecht. *Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916–1969* (ed. G. Maschke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 234–268.
- Schmitt C. (2004) Edinstvo mira [The Unity of the World]. *Kosmopolis*, no 3, pp. 80–88.
- Schmitt C. (2005) Die Kernfrage des Völkerbundes [1924]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 1–25.
- Schmitt C. (2005) Die Kernfrage des Völkerbundes [1926]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 73–193.
- Schmitt C. (2005) Die Rheinlande als Objekt internationaler Politik [1925]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 26–50.
- Schmitt C. (2005) Nationalsozialismus und Völkerrecht [1934]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 391–423.
- Schmitt C. (2005) Sowjet-Union und Genfer Völkerbund [1934]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 424–435.
- Schmitt C. (2005) Strukturwandel des Internationalen Rechts [1943]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 652–700.

- Schmitt C. (2005) USA und die völkerrechtlichen Formen des modernen Imperialismus [1932/33]. *Frieden oder Pazifismus: Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 349–377.
- Schmitt C. (2005) Völkerrechtliche Probleme im Rheingebiet [1928]. *Frieden oder Pazifismus. Arbeiten zum Völkerrecht und zur internationalen Politik 1924–1978* (ed. G. Mashke), Berlin: Duncker & Humblot, pp. 255–273.
- Schmitt C. (2008) *Politische Theologie II: Die Legende von der Erledigung jeder Politischen Theologie*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2008a) Porjadok bol'shikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na intervenciju dlja chuzhdykh prostranstvu sil [The Order of Great Spaces in the International law, with a Ban on Intervention for Forces Alien to the Space]. *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International law of the Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dahl, pp. 479–572.
- Schmitt C. (2008) Zemlja i More [Land and Sea]. *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International law of the Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dahl, pp. 573–639.
- Schmitt C. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth in the International law of the Jus Publicum Europaeum], Saint Petersburg: Vladimir Dahl.
- Schmitt C. (2013) Glossarij [Glossarium]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 2, pp. 55–65.
- Schmitt C. (2013) O treh vidah juridicheskogo myshlenija [On the Three Types of Juristic Thought]. *Gosudarstvo: pravo i politika* [State: Law and Policy], Moscow: Territoria budushhego, pp. 307–355.
- Schmitt C. (2015) *Ex Captivitate Salus: Erfahrungen der Zeit 1945/47*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Schmitt C. (2015) *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism], Moscow: Praxis.
- Schmitt C. (2016) Duhovno-istoricheskoe sostojanie sovremennogo parlamentarizma [The Spiritual and Historical State of Modern Parliamentarism]. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka, pp. 93–170.
- Schmitt C. (2016) Politicheskaja teologija [Political Theology]. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka, pp. 5–59.
- Schmitt C. (2016) *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka.
- Schmitt C. (2016) Jepoha depolitizacij i nejtralizacij [The Age of Neutralizations and Depoliticizations]. *Ponjatie politicheskogo* [The Concept of the Political], Saint Petersburg: Nauka, pp. 357–372.
- Simons O. (2017) Carl Schmitt's Spatial Rhetoric. *The Oxford Handbook of Carl Schmitt* (eds. J. Meierhenrich, O. Simons), Oxford: Oxford University Press, pp. 776–802.
- Slotte P. (2010) Political Theology within International Law and Protestant Theology. *Studia Theologica: Nordic Journal of Theology*, no 1, pp. 22–58.
- Smeltzer J. (2020) Technology, Law, and Annihilation: Carl Schmitt's Critique of Utopianism. *Journal of the History of Ideas*, vol. 81, no 1, pp. 107–129.
- Ulmen G. (1993) The Concept of Nomos: Introduction to Schmitt's 'Appropriation/Distribution/Production'. *Telos*, no 95, pp. 35–51.